

Рихтер Святослав Теофилович
7.08.97.

ФОТО А. В. РОБЬЕВА

ИРИНА АНТОНОВА:

Куклыра - 1997 -
- 7 эрст - с 1

Я иногда робела перед ним

Я часто ходила на его концерты в консерваторию. Много слушала его в разных клубах. Он любил играть в клубах, музыкальных школах, музеях. Думаю, ему важно было встречаться с разной публикой. На мой взгляд, мы недооценили его просветительский дар. Не знаю, каков механизм этого явления, однако совершенно очевидно, что он обладал поразительным умением привлекать внимание к исполняемой музыке – не к себе, а именно к музыке. И воздействие этого магнетизма испытывали не только профессионалы, но и самые неискушенные слушатели.

– При этом круг его интересов совсем не исчерпывался одной только музыкой...

– Безусловно. Святослав Теофилович очень любил литературу. Любил кино. Как-то прислал мне открытку, в которой сообщил, что за месяц посмотрел – что-то такое – 52–55 фильмов. А однажды попросил меня помочь организовать просмотр “Бесприданницы” – он обожал этот фильм и очень хотел показать своему другу, приехавшему из-за границы.

– А его увлечение изобразительным искусством, благодаря которому родился ваш общий фестиваль – знаменитые “Декабрьские вечера”, выставки у него дома...

– Дома он выставлял картины своих друзей. Например, Дмитрия Краснопевцева, которого очень любил. И очень ценил – за его знания и избранную жизненную позицию, совпадавшую с его собственной. Обоих отличала необыкновенная внутренняя свобода.

У Святослава Теофиловича не было никаких предрассудков в искусстве – этот мир был открыт ему весь, целиком. Как ему была открыта вся музыка. В музее он никогда не смотрел всю выставку целиком, только пять-шесть вещей – и уходил. Ему нужно было как-то их “пережить” в себе. Меня потрясла глубинная безошибочность его вкуса. Умение выбрать настоящее. Мы часто говорили о том, какая картина лучшая на той или иной выставке. “Вот эта”, – показывал он. Я думала: нет, эта слабовата, другая. Но проходило какое-то время, и мне становилось ясно, что прав он, а не я.

– Какая судьба теперь ожидает “Декабрьские вечера”?

– Разумеется, они будут жить. Мечтаю о сотрудничестве с великолепными музыкантами и очень близкими Святославу Теофиловичу людьми – Наталией Гутман, Элисо Вирсаладзе, Юрием Башметом.

Темы двух следующих фестивалей мы со Святославом Теофиловичем уже определили. В этом году на “Декабрьских вечерах” прозвучат Шуберт, Брамс, Мендельсон. И будет представлена немецкая и австрийская живопись XIX века из собраний немецких музеев. А в будущем году героем “Декабрьских вечеров” станет “Евгений Онегин” – как “энциклопедия русской жизни”. Будет исполняться музыка, которую исполняли в салонах пушкинской эпохи. Разумеется, отдадим дань и “Евгению Онегину” Чайковского. Свой спектакль покажет у нас Евгений Колобов. Хочу пригласить театр “Геликон”, предло-

жила участвовать Мстиславу Ростроповичу.

– Он был хорошим другом?

– Да. Я иногда робела перед ним. Но он сам помогал мне преодолеть эту робость. Он был очень проницателен, прекрасно чувствовал настроение людей. Всегда помогал разговориться тем, кто стеснялся. Был очень радушным хозяином. В доме у него всем всегда было тепло. Очень любил устраивать вечера – не только выставки и домашние концерты. Устраивал настоящие балы.

– Прощание с Рихтером проходило в вашем музее. Так пожелала его семья?

– Да, его близкие. Его безраздельно преданная ему супруга Нина Львовна Дорлиак. Наш музей действительно в какой-то степени был его домом. Кроме того, я считаю, что портал Фрейбургского собора, скульптуры Микеланджело, Донателло – это достойное Рихтера “обрамление”, соответствующее мощи его гения.

– Там, в Итальянском дворике, еще был установлен рояль с открытой клавиатурой, и на клавишах лежала белая роза. На этом рояле играл Рихтер?

– Этот рояль, специально изготовленный для него фирмой “Ямаха”, не смогли поднять к нему на 16-й этаж, и Святослав Теофилович решил подарить его музею. Он играл на нем, и ему очень нравилось звучание этого инструмента. Белую розу мы положили потому, что Святослав Теофилович любил розы, и именно белые. Я часто дарила ему их после концертов. Теперь наш музей подарил ему не букет белых роз, а венок, сделанный из них. Но во время прощания звучала его великая музыка, Рахманинов, Скрябин, его бесподобный Дебюсси... Его голос. Он увеличивал скорбь и приносил утешение.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА